

Азначэнне *белы* ўжывае не толькі апавядальнік, але і адзін з персанажаў твора Г. Далідовіча – пяцікласнік-другагоднік Віця, і маці Стасіка («надта ж белы іх хлопец»), і бацька (назоўнік з семай ‘белы’: «кажуць, белакроўе ў яго»). У гэтым бачыцца арганізацыйная роля вобраза аўтара, які вызначае ўзаемасувязь усіх моўных адзінак апавядання. Лексема *белы* стварае адпаведны асацыятыўны фон, дазваляе адчуць кожнага персанажа праз адносіны да незвычайнага, непадобнага да сябе.

Такім чынам, у мастацкім дыскурсе рэалізуецца ўнутраны і знешні дыялог. Калі апошні дастаткова грунтоўна апісаны ў навуковай літаратуры, то першы (унутраны дыялог) падрабязна не разглядаецца на ўзроўні канкрэтных прыкладаў і аналізу. Кантамінацыя аўтарскага маўлення і маўлення персанажаў рэалізуецца ў тэкстах, напісаных і ад 3-й, і ад 1-й асобы. Аднак больш выразна кантамінацыя прасочваецца ў аб’ектыўным аўтарскім маўленні з элементамі суб’ектывацыі.

Літаратура

1. Гончарова, Е. А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 145 с.
2. Кусько, Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы / Е. Я. Кусько. – Львов: Вища школа, 1980. – 207 с.
3. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
4. Соколова, Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Л. А. Соколова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. – 281 с.
5. Труфанова, И. В. Прагматика несобственно-прямой речи / И. В. Труфанова. – М.: Прометей, 2000. – 569 с.

Альбина Султанова

*Российский университет дружбы народов
(Россия)*

«ПТИЧИЙ ЯЗЫК» СОВРЕМЕННОСТИ (проблема чистоты языка в романе

А. И. Солженицына «В круге первом» и сегодня)

Безусловно, русский язык, как любой живой язык, – это открытая система, и в эпоху глобализации стремительное проникновение в него англицизмов и американизмов – явление закономерное и неиз-

бежное. Изучение современного состояния русского языка невозможно без обращения к данной проблеме. С разных точек зрения ее освещали многие современные лингвисты и исследователи: Н. Чигина, О. Новикова, А. Завадская, О. Скворцова, С. Изюмская, Е. Прокутина, С. Бойко, И. Юдин, Н. Щербинина и другие. Например, А. Завадская в своем исследовании указывает на то, что слова, заимствованные из английского языка в течение последних десяти лет, обогащают морфемный запас и словообразовательную систему русского языка. Множество других исследователей сходятся в едином мнении: бесконтрольное использование английского языка в лексике и грамматике, подчас безграмотное копирование словообразовательных моделей провоцирует начало процесса гибридизации русского и английского языков [2, с. 741], что неминуемо приводит к угрозе потери языковой самобытности и массовому косноязычию россиян.

Интересно отметить, что об этой угрозе более полувека назад говорил классик русской литературы и одна из самых неоднозначных фигур XX столетия Александр Исаевич Солженицын, который был непримиримым противником иноязычной лексики в русском языке. На этом основании можно предположить, что один из ключевых персонажей романа А. Солженицына «В круге первом» Дмитрий Сологдин, наравне с Глебом Нержиным и Львом Рубиным несущий существенную идеологическую нагрузку, выражает в этом вопросе авторское мировоззрение.

Дмитрий Сологдин – постоянный оппонент Рубина, непримиримый противник советской власти и большевиков. Получив достойное образование и христианское воспитание, обладая высоким интеллектуальным статусом вкупе со знатным происхождением, Сологдин ощущает собственную неординарность. За двенадцать лет лагерей он сумел не потерять силу духа и личное достоинство, отточил ум в долгих упражнениях и даже натренировал измученное в неволе тело. «Внешним условиям подчиняться нельзя, это оскорбительно», – уверен Сологдин. «На свободе или в тюрьме – какая разница? – мужчина должен воспитывать в себе непреклонность воли, подчиненной разуму» [5, с. 242].

«Докучный гидальго» Сологдин – это несостоявшийся рыцарь, подчеркнуто консервативный, увлеченный дореволюционной историей России. Стремясь сохранить собственное «Я», он вырабатывает особую тактику поведения с окружающими. Ему близка убежденность, характерная для средневекового мышления: смыслом и целью жизни является сам человек, его духовные устремления, спасение его души. Это близко и Нержину. У Сологодина же этот принцип доходит до крайности:

индивидуалист-одиночка, он уверен в собственной исключительности, обусловленной дворянским происхождением и врожденными феноменальными способностями. Сам автор даже несколько иронизирует по поводу нарочитого аристократизма своего героя, но в то же время откровенно любит его.

В персонаже Дмитрия Сологодина почти без изменений воспроизведены многие черты мировоззрения его реального прототипа – оригинального мыслителя Дмитрия Панина, вечного оппонента Солженицына, и Льва Рубина (его прототипом является Лев Копелев) во время заключения на «шарашке». В своей книге воспоминаний о годах заключения «Мир – маятник» Панин разработал так называемые «этические принципы людей доброй воли» – свод правил и взглядов, которых должен придерживаться абсолютно свободный человек. Многие принципы этой системы нашли отражение во взглядах Дмитрия Сологодина в романе «В круге первом», в том числе один из важнейших, сформулированный автором как «свобода через полусвободу». Согласно этому принципу, огромное значение для достижения высшей свободы имеет обуздание низких желаний с помощью морали [4, с. 14–15]. Кроме прочего, данному пункту герой романа Солженицына скрупулезно следовал путем жесткого контроля каждого произносимого слова.

Сологдин разворачивает в лагере своеобразную охоту на «птичьи слова» – стремится избегать не только «деревянного» новояза социалистического строя, но и международных научных терминов, заменяя их забавными русизмами, иногда доходя до крайностей (вместо «исторический» герой предпочитает говорить «бытийный», копировщицу он называет «прозрачно-обводчицей», математиков – «исчислителями», сферу – «ошарием», даже картон у Сологодина – «твердо-уплотненная бумага»). Как отмечает Ж. Нива, «это игра, в которой он и сам ошибается и оступает, но игра животворная, потому что заставляет мысль заново переосмысливать понятия, переименовывать их» [3, с. 132].

Чудачество Дмитрия Сологодина – говорить на Языке Предельной Ясности, избегая иностранных слов, – было свойственно самому его прототипу. В своих воспоминаниях Лев Копелев выделял эту черту Дмитрия Панина: «Он верил, что спасение придет только вследствие чуда, по велению свыше. Но готовить спасение надо, очищая душу, мысли и... язык. С этой целью он решительно отказывался употреблять иностранные, или, как он говорил, «птичьи» слова. Вместо «революция» говорил «смута» или «переворот», вместо «коммунисты» – «большевики» или «большевички», инженеров называл «зиждителями»» [6, с. 106].

Борьба за свой язык – один из элементов свободы Сологдина, которую он отвоевывает каждый день понемногу. Восстановление родного языка становится навязчивой идеей героя, к которой порой снисходительно и насмешливо относятся его друзья и оппоненты на «шарашке». Он словно противопоставляет исконно русскую речь истощенному языку советской идеологии и мертвых инструкций и лагерному жаргону. Как пишет В. Чалмаев, это своеобразная «ломка той рефлекторной дуги, которая возникает между готовыми формулами (сигналами) и сознанием, формулами-окриками и командами, “формулами-кличками”» [6, с. 106]. По убеждению Ж. Нива, все творчество Солженицына пронизано бунтом против идеологического слова, речи со встроенной в нее ложью, сведенной к системе приказов [3, с. 131]. Языковая структура персонажей романа построена на контрасте: сухой, насыщенный «словами-палачами» язык тюремного персонала и идеологической верхушки противопоставлен свободной, богатой и философски напитанной речи героев-заключенных, которая «воссоздает мир, богатый чувствами и музыкальными ладами» [3, с. 134].

Отметим, что интерес Солженицына к лексическому и морфологическому пластам современного русского языка вылился в издание «Русского словаря языкового расширения», который, по выражению Жоржа Нива, расширял «языковые легкие» русского человека [3, 143] и вызывал неоднозначную реакцию у современников писателя и современных нам литературных критиков и лингвистов. Автор данной статьи склонен согласиться со словами Виталия Третьякова: «Я крайне ценю в Солженицыне как исторической фигуре его почти одинокую, но упорную борьбу за русский язык. Если даже кому-то эта борьба кажется ретроградски-уморительной» [6].

Сегодня экспансия современного русского языкового пространства иностранными словами выявляет прямую угрозу вырождения языка. Александр Солженицын в свое время упорно боролся против дегенерации Слова, которое, «вырождаясь в фон, в основу “социалистического реализма”», перестает быть выражением индивидуального, особого», превращается в «рекламный плод массового психоза, этот призрак, в котором нет ничего от реализма, ни от социализма» [3, с. 131]. Писатель сокрушался по поводу потери музыкального строя, лада языка, замыкания его в какие-либо рамки и системы, ратовал за освобождение слова. И он был убежден, что «нахлын» англицизмов не обогащает язык, а обедняет его. С этим трудно не согласиться сегодня, ведь речь идет уже о вырождении слова в фон «капиталистического реализма» в из-

вращенной форме, и проблема уже почти полностью перешла в сферу экологии языка [1, с. 43]. Язык, отражая образ мыслей и образ жизни индивида, теряет свою уникальность, теряется интерес к русской культуре в принципе [7, с. 139]. Эта формулировка В. Щербининой сегодня перекликается с мыслями самого Александра Солженицына о великой миссии писателя-творца, выражающими суть его языковой реформы: «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение к нему чутья» [7, с. 135].

Сегодня мы можем наблюдать процесс вырождения русского слова везде: в литературе и беллетристике, в СМИ и интернете, на вывесках и рекламных щитах улиц. Процент заимствований, обилие английских слов и чудовищное смешение латиницы и кириллицы в названиях разного рода заведений принимает сегодня тревожные масштабы. Отметим, однако, что данную позицию в основном разделяют лингвисты – учителя-словесники в средних и средних специальных учебных заведениях России. В 2014 г. была создана Всероссийская ассоциация учителей русского языка и литературы, имеющая целью привлечь внимание широкой общественности не только к проблемам преподавания русского языка и литературы, но и к всеобщему падению уровня грамотности молодого поколения, практически отсутствию знаний об истории родного языка и самое главное – отсутствию интереса к языку, культуре, литературе родной страны. По убеждению главы ассоциации Романа Дощинского, закон о государственном языке должен содержать пункты об охране литературных норм родного языка. Русский язык необходимо защищать от засилия иностранных заимствований, искажающих языковую среду, и с этой целью ассоциация даже призывает создать «лингвистическую полицию». Автор статьи склонен согласиться с данным мнением и необходимостью перевода проблемы сохранения самобытности родного языка под государственный контроль.

Литература

1. Бойко, С. А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект / С. А. Бойко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 32–43.
2. Бойко, С. А. Глубина проникновения англицизмов в современный русский язык / С. А. Бойко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 4. – С. 735–741.
3. Нива, Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами / Ж. Нива // Звезда. – 2003. – № 12.
4. Панин, Д. М. Мир – маятник / Д. М. Панин. – Тель-Авив: Время и мы, 1977. – 205 с.

5. Солженицын, А. И. В круге первом / А. И. Солженицын. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 768 с.
6. Третьяков, В. Альтруизм Солженицына / В. Третьяков // Российская газета. – 2003. – 19 дек.
7. Щербинина, Н. С. Англицизмы и американизмы в русском языке: угроза или обусловленная тенденция / Н. С. Щербинина // Ученые записки: сборник научных трудов и статей / под ред. Л. А. Вицок. – Москва–Белореченск, 2014. – С. 135–139.

Данки Хоригути
 Университет Иватэ
 (Япония)

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕФИКСАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной статьи является анализ метаязыковой рефлексии, которая с разной степенью эксплицитности проявляется в виде комментариев как вербализованных продуктов речемыслительной деятельности при префиксации заимствованных глаголов в русском языке. Материалом для анализа послужили публицистические тексты, которые доступны на базе данных Integrum (www.integrumworld.com). Языковые факты собраны в ходе ряда исследований [см., напр., 8], в которых рассмотрено свыше 250 заимствованных глаголов в сочетании с 20 глагольными префиксами (на данную тему сделаны устные выступления «Актуализация русского префикса *вы-* в сочетании с заимствованными глаголами» на международной конференции «Slavic Linguistics Society Annual Meeting» в Гейдельбергском университете в 2015 г. и «D. Imperfective suffix *-yva-* for the borrowed verbs in Russian» на международной конференции «Time and Language» в Туркуском университете в 2016 г.).

Богатый потенциал русского глагольного словообразования охватывает не только русские, но и заимствованные слова. Они активно подвергаются словообразовательным процессам – как суффиксации, так и префиксации. Каждый суффикс довольно прозрачно модифицирует выражаемую базовым глаголом семантику (суффикс *-ыва-* для имперфективации: *реализовывать*, *наарестовывать*, экспрессивные суффиксы *-ну-* и *-ану-* для выражения однократности: *шокирнуть*, *стартануть*). Однако дело обстоит сложнее с префиксацией заимствованных глаголов из-за полисемии префиксов и их семантического взаимодействия с базовым глаголом.